

К ВОПРОСУ О ФИЗИЧЕСКОМ ТИПЕ ЭТРУСКОВ. ЧАСТЬ 2. ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Л.Ю. Шпак

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва

Работа посвящена изучению физических особенностей и оценке физического типа этрусков по материалам их изобразительных источников и интерпретации полученных данных в социальном контексте свидетельств биоархеологии о достаточно высоком уровне жизни, здоровье, физических данных как маркёров возможного социального равновесия этрусского общества (эгалитарная гипотеза G. Kron [Kron, 2013]).

Всего исследовано 142 мужских и 49 женских живописных изображений (фрески 30 гробниц) и 66 мужских и 43 женских скульптурных изображения (коропластика, бронза). Диапазон датировок по-гребальной скульптуры относится к V–I вв. до н.э., живописных изображений к VI–II вв. до н.э. Для каждого индивида фиксировалась половая и социальная принадлежность согласно изобразительному сюжету. Выборка мужских живописных изображений разделялась для анализа на две контрастные социальные группы («аристократия» и «остальные»). В работе использовался соматоскопический метод с индивидуальным описанием особенностей строения тела индивидов (осанка, форма спины, наличие живота, форма грудной клетки). Для определения морфологических особенностей телосложения использовалась антропоскопическая характеристика компонентов сомы: жиротложение и мускулатура. Для описания типов телосложения применялась схема В.В. Бунака [Бунак, 1941] и И.Б. Галанта [Галант, 1927].

Наблюдаемые варианты изобразительной передачи особенностей строения тела в живописи и скульптуре демонстрируют отсутствие у этрусков идеалистического обобщения, свойственного грекам, и позволяют оценить внутригрупповую изменчивость особенностей телосложения. Грацильных и среднесложенных вариантов строения тела в целом по всей группе мужских и женских изображений встречается больше всего. В живописи крупносложенные варианты телосложений встречались чаще, чем грацильные варианты, и представлены равномерно в обеих социальных группах. В целом по живописи и скульптуре вся группа характеризуется малым и средним жиротложением, средним развитием мускулатуры у женщин, средним и сильным развитием мускулатуры у мужчин. Повышенное жиротложение, не характерное для живописных фигур и чаще представленное на скульптуре, одинаково редко отмечалось у элиты и у низших слоёв. В целом по живописным изображениям у мужчин не выявляется больших соматических различий между представителями контрастных социальных слоёв.

Классификация мужских типов телосложения по схеме В.В. Бунака выявляет преобладание на фресках грудно-мускульных и мускульных вариантов сложения, а в скульптуре – мускульных и брюшных вариантов. Брюшной тип сложения часто отмечался по скульптуре, на фресках встречен только брюшно-мускульный вариант и его было больше у представителей элиты. Акцентирование абдоминальности чаще встречается на мужских скульптурах, в том числе с грудным типом сложения, на фресках – только у брюшно-мускульного типа. На женских изображениях эта особенность не наблюдалась. Телосложение женщин по схеме И.Б. Галанта соотносится, преимущественно, с мезосомными вариантами.

Гиперболизация в изображении нижних и верхних конечностей, возможно, является действительным отображением физической культуры отдельных представителей группы, а, возможно, и отголосками архаичного канона в изображении тела человека. Античный миф об «Obesus Etruscus», на нашем материале подтверждается частично: подчёркнутое наличие живота у мужчин наблюдается у 6 из 50 человек (12% случаев) на фресках, но почти в половине всех случаев – на скульптуре. Подобные изображения могут свидетельствовать, в одинаковой мере, как о своеобразном

изобразительном каноне элиты этрусского общества римского времени, так и степени реалистичности памятников материальной культуры.

Наблюдаемый по этрусским изобразительным источникам внутригрупповой полиморфизм соматотипов и отсутствие существенных различий по телосложению между контрастными социальными выборками может свидетельствовать о достаточно высоком общем уровне физического развития представителей данной группы и косвенно отражать status praesens их физического здоровья, что в определённой степени соотносится с данными биоархеологии и гипотезой G. Kron.

Ключевые слова: антропология, античный портрет, «Obesus Etruscus», этрусская живопись, этрусская скульптура, физическое развитие этрусов

Введение

Начало первых систематических исследований морфологии этрусов было положено работами основоположников итальянской антропологической школы G. Sergi, позднее F. Frassetto [Sergi, 1900, 1901, 1909; Frassetto, 1906]. Ранние исследования были сконцентрированы преимущественно на сравнительной краниологии в связи с проблемой этногенеза этрусов [Cipriani, 1929; Messeri, 1959; Pardini, Bassi, 1974]. Однако последующие работы подтвердили сложность интерпретации накопленного материала в силу многих обстоятельств, что способствовало расширению научных границ в изучении этрусов [Banti, 1959; Neppi Modona, 1959; Moggi-Cecchi et al., 1997]. Изобразительные источники (погребальная скульптура и живопись) также ранее рассматривались в связи с обсуждением гипотез возможного происхождения этрусов [Sergi, 1909; Gerhardt, 1954]. Современное изучение скелетных останков этрусов осуществляется в русле биоархеологии, которая интегрирует деятельность специалистов очень многих направлений. Однако в отношении применения остеологических материалов имеются некоторые сложности в связи с отсутствием оценочных стандартов и социокультурного контекста у разных авторов при оценке здоровья и условий жизни древнего населения [Wood et al., 1992].

Изучение социокультурных и биологических изменений итальянского населения в течение железного века на территории Древней Италии выявляет противоречивые результаты у разных авторов. Так по краниологическим признакам показано значительное увеличение эндогамии по обе стороны Аппенин, а также вероятность существования биологической преемственности с нынешними тосканцами [Rubini et al., 1997; Rubini et al., 2007]. По одонтологическим признакам, напротив, гипотеза разделения географическим барьером не подтвердилась и была обнаружена однородность

в центральных итальянских и этрусских популяциях [Corra et al., 1998].

Палеогенетические исследования также довольно противоречивы в отношении генеза этрусского этноса. Большинство авторов полагают, что этрусов нельзя рассматривать как прямых предков большей части современного населения Тосканы. Одни авторы отмечают, что современные тосканцы имеют большее сходство с ближневосточными группами и со средневековым населением, чем с этрусками [Barbujani, Ghirotto, 2011]. Другие авторы указывают на сохранение древнего европейского компонента у современных тосканцев [Francalacci et al., 1996]. Эта возможная генетическая преемственность некоторой части современной тосканской популяции относится к периоду, более отдалённому, чем предполагаемая миграция этрусов из Малой Азии [Tassi et al., 2013].

Некоторые исследователи полагают, что на современном этапе изучения этрусов, когда попытки установления их происхождения внесли ещё больше неопределённости в решение вопроса, необходимо перенаправить ориентиры исследований [Perkins, 2009], а при использовании доказательств физической антропологии крайне необходимо учитывать социальные и культурные аспекты (питание, здоровье, санитарные стандарты, уровень жизни), чтобы лучше понять этрусское общество [Kron, 2013]. Подобный подход, как полагают авторы, может выявить многие особенности биологической и культурной динамики итальянского населения в течение последнего тысячелетия на территории Древней Италии и пролить свет на многие нерешённые вопросы в изучении этрусского общества.

От культуры этрусов осталось много изобразительных свидетельств религиозного и мемориального характера об их внешности, запечатлённых в скульптуре, живописи, коропластике и бронзе, которые, по сути, отражают их самовосприятие, в том числе физическое. Мы полагаем,

что изобразительные источники в определённой мере могут отражать уровень жизни этрусков через особенности их физического развития, отражённые художником.

Биосоциальный аспект в исследованиях этрусков (по литературным данным)

При изучении скелетных материалов доримского и римского населения Италии в привязке к культурной среде современная биоархеология очень часто опирается на классическую филологию, историографию, эпиграфику, архитектуру и свидетельства материальной культуры [Killgrove, 2014]. С недавнего времени при изучении скелетных материалов в биоархеологии придаётся большое значение социальному контексту находок, исследование которых, в первую очередь, связано с вопросами социальной идентичности, гендера, биокультуральных различий, биологических свидетельств качества жизни и в целом с отношением к человеческому телу как неотъемлемой части материальной культуры [Agarwal, Glencross, 2011]. Так, например, изучение связи социального статуса и реальных жизненных условий в древних общинах античной Италии при сравнении погребальных особенностей и скелетной биологии помогает раскрытию социально-экономической картины жизни, в том числе вопросов разделения труда в древних сообществах [Robb et al., 2001].

В литературе приводятся данные антропометрии по Западной Европе XVIII–XIX веков, где для большинства стран отмечается средняя длина тела у мужчин 158–162 см, в то время как в итальянских популяциях римского времени средняя длина тела приближается к 168 см, а средняя длина тела классических и эллинистических греков обычно составляет 170–172 см. [Kron, 2013]. Подобные различия объясняются чрезвычайно плохими условиями жизни (антисанитария, грязная вода, холера, брюшной тиф), плохим питанием (недоедание, преимущественно зерновая диета) и соответственно плохим здоровьем урбанизированного рабочего населения Западной Европы, по сравнению с античным населением в целом не испытывающего подобного стресса [Kron, 2005]. При переходе от поздней античности к средневековью отмечаются некоторые различия в изменении жизненных условий различных сообществ Древней Италии. Так, по данным некоторых авторов с точки зрения питания и состояния здоровья сообществ Центральной Италии, согласно распре-

делению денто-альвеолярных патологий и скелетных маркёров, при переходе от поздней античности к средневековью глубокие социально-экономические изменения не сильно отразились на биологии этих популяций [Belcasto et al., 2007]. Между зубными патологиями древнего населения из двух романских некрополей Лацио (Центральная Италия) позднеантичного времени обнаружено сходство (комбинация диетических факторов и гигиенических условий) и общие значительные отличия от средневекового образца из Ломбардии (Северная Италия), свидетельствующие об ухудшении качества жизни при переходе к раннему средневековью [Manzi et al., 1999].

Судя по изучению некрополей различных регионов Этрурии, разными авторами отмечаются отдельные отличительные особенности в отношении условий жизни населения. Так, например, были изучены денто-альвеолярные признаки (680 зубов) из 80 погребений некрополя портового города Спина с целью оценки здоровья полости рта и диетических привычек населения в качестве показателей условий и образа жизни. Было определено общее хорошее состояние здоровья этой этрусской группы, что частично может быть связано с местной диетой, основанной на сбалансированном сочетании продукции рыболовства, скотоводства, сельского хозяйства [Masotti et al., 2013]. Результаты палеопатологического изучения 303 скелетов из некрополя этого же портового города северной части Этрурии показали, что характер встреченных заболеваний позволяет предположить гендерное разделение труда, а общее хорошее состояние здоровья этой этрусской группы сходно с другими этрусскими группами. Авторы пишут, что, несмотря на то, что около половины взрослых индивидов в выборке имели, по крайней мере, одно патологическое поражение, в целом группа характеризуется высокой продолжительностью жизни, хорошим здоровьем и питанием [Manzon, Gualdi-Russo, 2016].

Обзор работ по исследованию поражений и заболеваний в этрусских сериях показывает наличие остеопороза, возможные случаи акромегалии и проказы, черепные травмы с трепанациями, но наиболее частыми заболеваниями, выявленными в скелете, были различные артриты [Kron, 2013; Turfa, Becker, 2013]. Большинство патологических изменений авторы связывают со старением или профессиональной деятельностью. В отношении состояния здоровья зубной системы этрусков большинство исследований также свидетельствует о хорошем в целом её состоянии (невысокая частота кариеса, прижизненной потери зубов, тяжёлого износа зубов, периодонтита) и отмечают

большую зависимость прогнозирования эмалевой гипоплазии от социально-экономического статуса.

Определение средней длины тела мужчин из погребений некрополя этрусского города Тарквинии показывает улучшение жизненных условий при переходе от архаического периода к классическому периоду (167,4 см; 750–500 гг. до н.э.), а также поддержание этих условий жизни уже при римском господстве (170,64 см; от 375–90 гг. до н.э.) [Becker, 1993]. По данным разных авторов, средняя длина тела у мужчин этрусов в различных этрусских погребениях варьирует от 168,75 до 170,1 см в захоронениях собственно этрусских городов и от 166,0 до 170,6 см – в захоронениях со смешанным культурным фоном (в поселениях, находящихся под этрусским влиянием). Предполагается, что средняя длина тела может играть значительную роль в качестве маркера социального равенства в этрусском и римском обществе [Kron, 2013].

Интерпретируя данные физической антропологии, G. Kron выдвигает гипотезу о том, что этрусское общество вполне могло быть эгалитарным по своему устройству, подвергая сомнению традиционно принятое мнение [Kron, 2013]. Социальное неравенство, которое демонстрируют богатейшие погребения этрусских некрополей, возможно, было не так сильно выражено, поскольку существовала значительная прослойка городского и сельского среднего класса (торговцы, фермеры, ремесленники), а условия жизни способствовали достаточно хорошему уровню здоровья всех слоёв этрусского общества, в котором значительно сократилась доля неимущего и нищего населения. Средняя длина тела и скелетные маркеры как свидетельства хорошего здоровья, и данные археологии об уровне экономического развития этрусского общества могут в полной мере, по мнению автора, свидетельствовать о социальном равновесии и процветании этрусского общества, схожего в социальном и культурном отношении с греками.

Косвенным подтверждением этой гипотезы являются некоторые расшифрованные данные эпиграфики: известно более 4 тысяч этрусских эпитафий и свыше 250 из них содержат возраст умершего, который достигал у некоторых индивидов свыше 90 лет [Turfa, Becker, 2013]. Этот факт в свете изложенных данных не кажется удивительным, тем более, что этруски были передовыми не только во многих технических достижениях своего времени, но также и в медицине. Античная фармакопея засвидетельствовала этрусские знания о фармакологии и траволечении, некоторые названия лекарственных растений имеют изначально

этрусские названия. Этруски славились применением минеральных вод, зуболечением и зубопротезированием [Becker, 1999], активно осваивали ветеринарию, возможно, практиковали хирургические вмешательства [Oberhelman, 2014; Turfa, Becker, 2013].

Медицина и религия в Этрурии были неотделимы, также как в других античных сообществах, однако у этрусов их симбиоз принял особую форму, отражающую единение их духовного и физического мира. Духовный мир этрусов, их отношение к природе, животному миру, то, как они воспринимали свой мир и себя в этом мире, находит выражение, как в самой системе их верования, так и в многочисленных образах, отражённых в предметах культа. Этруски применяли дивинацию, которая входила в корпус этрусского знания (*Etrusca Disciplina*) и основывалась на различных имманентных практиках (ауспиции, гаруспиции, аугурии) с применением органов животных, полётов птиц, молний [Stoddart, Simon, 2009]. Известно около 80 святилищ и более 200 депозитов с анатомическими вотивами на территории Этрурии [Turfa, 2006]. Анатомические вотивы были представлены различными формами органов и частей тел, в том числе головами, и демонстрировали относительное знание этрусками анатомии человека. Встречаются вотивы как вольноотпущенников, так и господ (судя по дарительным надписям), которые приносились этрусками в святилище с просьбой или в знак исцеления. Святилища были общие и профилированные – с посвящением конкретного органа или части тела [Comella, 1981]. Благодаря огромному количеству анатомических вотивов, сохранившихся не только в этрусских, но и в греческих, римских святилищах, палеоигиенисты изучают развитие античной лечебной практики исцеления, состояние здоровья, возможные болезни и пути их распространения у античного населения.

Другие формы изображений этрусов, кроме анатомических вотивных голов, также сопровождаются религиозным контекстом и относятся по большей части к погребальным изображениям: это росписи гробниц, погребальная скульптура, коропластика, бронза. По красочным погребальным фрескам специалисты восстанавливают многие стороны материальной и духовной культуры этрусов [Steingraber, 2006]. Гробницы этрусов обставлялись и расписывались аналогично реальным интерьерам и делались в форме жилищ, что было отголоском древней традиции погребать мёртвых в собственном доме [Вейс, 2002]. Со временем этот обычай исчез, но в римских письменных свидетельствах остались упоминания о прижизненных

Таблица 1. Материалы исследования и некоторые особенности изображения фигур

Материалы		Вид изображения			
		Живопись	Скульптура	Живопись	Скульптура
		Мужчины (N = чел.)		Женщины (N = чел.)	
Некоторые особенности изображения фигур в живописи и скульптуре		142	66	49	43
Социальный статус (по сюжету)	Жрецы, аристократия	55	43	26	28
	Слуги, музыканты, воины, атлеты, танцоры	52	7	9	2
	Другое	35	16	14	13
Голова (положение)	Фас	1	Круглая скульптура (кроме объектов в положении лёжа)	0	Круглая скульптура (кроме объектов в положении лёжа)
	Профиль	138		48	
	Три четверти	3		1	
Тело (положение)	Фас	15	в положении лёжа)	7	в положении лёжа)
	Профиль	71		23	
	Тело фас/ноги профиль	21		11	
	Figura serpentinata; contrapposto	35		8	
	«Молодой»	56	12	5	7
	«Средний»	81	40	41	29
Возраст	«Пожилой»	5	14	3	4
	Не определён				3
Поза	Стоит	103	23	34	11
	Полулежит / полусидит	39	39	15	29
	Лежит	0	4	0	3
Одежда	нагой целиком	54	10	0	0
	Одетый (или голый торс)	88	56	49	43

изображения покойных (маски предков), которые хранились в доме. Эта традиция длительное время продолжалась у римлян, своеобразной её трансформацией можно считать позднеантичные портреты греко-римского Египта. Художник при изображении ритуальной сцены на фреске или фигуры на крышке саркофага следовал обрядовой стилистике, которая, как и многие другие стороны жизни этрусков была регламентирована религией, а значит, не исключается канон изображения. Тем не менее, своеобразная натуралистичность этрусского искусства позволяет нам надеяться, что особенности изображений людей могли действительно отражать морфологическую изменчивость группы.

Наше исследование посвящено изучению физических особенностей и оценке физического развития этрусков по живописным и скульптурным изображениям с целью сопоставления их с данными биоархеологии о хорошем физическом здоровье этрусков (и их средней длине тела), которые, согласно гипотезе G. Krog, являются показателями социального равновесия этрусского общества.

Материалы и методы

Основным материалом для изучения особенностей телосложения послужили изображения человеческих фигур на фресках из 30 гробниц этрусских некрополей. Всего рассмотрено 142 мужских и 49 женских живописных изображений (табл. 1). Изображения и сами фрески представлены разной степенью сохранности и целостности фигур, многие изображения полностью утрачены. Поэтому часть изображений рассматривалась, в том числе и по художественным реконструкциям художника-археолога XVIII века Карло Руспи, которыми часто пользуются этрускологи [Steingraber, 2006]. Также были привлечены скульптурные материалы: погребальная и вотивная скульптура и коропластика, бронзовая скульптура (далее в тексте и в таблицах все они объединены в группу «скульптура»). Всего рассмотрено 43 женских и 66 мужских скульптурных изображений (табл. 1). Диапазон датировок погребальной скульптуры относится к V–I вв. до н.э., живописных изображений – к VI–II вв. до н.э.

Для каждого индивида фиксировалась половая и социальная принадлежность согласно

изобразительному сюжету: на фресках к группе «аристократия» относились центральные персонажи и жречество, на скульптуре (саркофаги) принадлежность к этой группе определялась априори по элитарности погребального атрибута. Детские изображения на фресках присутствуют, но они не рассматривались. Определение возраста изображённых индивидов оценивалось по наличию таких особенностей как морщины, залысины (скульптура), седина (живопись), осанка тела, сюжетная роль на картине, различная атрибуция (причёска, одежда, инструментарий). В итоге использовались три градации возраста изображённых, условно обозначенные нами как «молодой», «средний» и «пожилой», визуально соотносимые с границами: до 20(25) лет, – от 20(25) лет до 40(45) лет и после 45 лет. Более чётко определялся «молодой» возраст и «пожилой». Голова и лицо изображённых фигур на фресках имеют преимущественно профильное положение, тела имеют при этом различные положения, в том числе контрапост, активно используемый греческими мастерами.

Особенности исполнения фрески – контурный обвод всей фигуры (абрис) оставался иногда заметным, даже в случае дальнейшего нанесения поверх фигур одежды [Соколов, 2002], что позволяло использовать это для наших целей (рис. 1б).

В работе использовался соматоскопический метод с индивидуальным описанием особенностей строения тела изображённых индивидов. Кефалоскопическая характеристика этрусков по живописным изображениям приведена в предыдущей работе [Шпак, 2017].

Для определения морфологических особенностей телосложения изображённых индивидов мы использовали антропоскопическую характеристику развития компонентов сомы: визуальную оценку жировоголожения и мускулатуры. Степень жировоголожения (три градации) оценивали там, где это было возможно (для полубнажённых живописных и скульптурных фигур и живописных фигур с абрисом) по сглаженности общих контуров тела и сглаженности (или нарочитой прорисовке) рельефа. А именно, обращали внимание на наличие или отсутствие прорисовки линии грудины, надчревного угла и рёберных дуг, рельефа костей плечевого пояса (прорисовки лопаток и ключиц). Степень развития мышц (три градации) оценивали по прорисовке подчёркнутости рельефа груди и пояса верхних конечностей, часто голеней, иногда ягодиц и бёдер. Однако стоит отметить, что в нашем случае, не получается разделять, согласно методике, определения соматических компонентов – жировоголожения и мускулатуры. Так, визу-

альное определение выраженности мышечного рельефа было сопряжено с определением степени развития жировоголожения. Тем не менее, на основе определений развития мышечной и жировой компоненты, мы попытались соотнести индивидов с конкретными соматотипами.

Для определения типов телосложений у изображённых мужчин и женщин использовали схемы конституций В.В. Бунака [Бунак, 1941] и И.Б. Галанта [Галант, 1927], с адаптацией к нашему материалу. Данные схемы предназначены для работы непосредственно с самим индивидом, живым человеком. Поэтому для соотнесения варианта телосложения изображённой фигуры с конкретным типом в используемой схеме, мы применяли сопроводительные иллюстрации данных схем (две нормы положения тела на каждый тип). Кроме того, иногда на изображениях было возможным определение дополнительных признаков, таких, как общая осанка тела и формы спины (только для некоторых фигур в положении стоя), живота, грудной клетки, которые помогали дифференциации по схеме. Форму живота оценивали с поправкой на наш материал, т.е., фактически, отмечали его наличие или отсутствие, не принимая во внимание общее жировоголожение. Определение дополнительных признаков также сопровождалось сопоставлением с иллюстративным графическим материалом [Негашева, 2017; Смирнова, Шагурина, 1981]. Несмотря на то, что женщины на всех источниках изображались в одежде, её моделировки иногда позволяли различать контуры тела и открытые участки (шея, плечи, руки, иногда ноги). Мужчины изображались и в живописи, и в скульптуре, как обнажённые (полностью или по пояс), так и в одежде.

Для того, чтобы иметь возможность в определённой степени судить об общем габитусе этрусков, о длине их тела и его пропорциях, мы использовали визуальную оценку этих параметров у индивидов относительно друг друга у изображённых в одной гробнице, либо соотносили с уже выделенным ранее похожим вариантом. В связи с этим мы использовали схему В.Н. Шевкуненко и А.М. Геселевича [Шевкуненко, 1926, цит. по: Гинзбург, 1963] для характеристики долихо-брахиморфии (без вычисления индекса пропорций) и определяли общий тип сложения тела (грацильный, средний, крупнотелый) по общему впечатлению от всей фигуры.

В качестве сравнительной оценки физического развития этрусков по живописным изображениям, мы использовали «круглую» погребальную скульптуру (каменные саркофаги) и погребальную коропластику (терракотовые саркофаги), а

Рис. 1. Особенности телосложения этрусков по различным изобразительным источникам

Примечания: а – гробница Обезьяны (Кьюзи, V в. до н.э.); б – гробница Львиц (Тарквинии, VI в. до н.э.); в – «Obeso» (III в. до н.э.), Национальный Археологический музей, Флоренция; г – гробница Щитов (Тарквинии, IV в. до н.э.); д – надгробие Avile Tite (VI в. до н.э.), Музей Гуарначчи, Вольтерра; е – скульптура (V–IV в. до н.э.), Лувр, Париж; ж – скульптура (конец V – начало IV в. до н.э.), Национальный Археологический музей, Орвието.

также вотивную коропластику (бюсты и статуи) и ростовые скульптуры из бронзы. В целом положение тела на разных изображениях (фрески, саркофаги) варьировало от положения «лёжа» до практически «сидя» с некоторым наклоном (табл. 1), индивидов в положении «стоя» в группе аристократии было крайне мало.

По полученным данным была рассчитана процентная частота встречаемости вариантов телосложения и некоторых описательных признаков морфологии тела.

Результаты и обсуждение

Использование физическими антропологами древних изображений человека в качестве дополнительного материала к оценке физических особенностей этнических групп встречается в литературе, например у В.В. Бунака [Бунак, 1927], Е.Е. Eickstedt [Eickstedt, 1934], Г.Ф. Дебеца [Дебец, 1948]. В своей книге «Расы Европы» К. Кун анализировал изображения лиц неолита и бронзы, представленные в египетской, шумерской, ассирийской, хеттской, кипрской скульптуре [Кун, 2011]. Также он использовал описательные характеристики особенностей телосложения и пигментации минойцев и греков, отображённые на фресках и вазописи [Кун, 2011]. Упомянутые работы, в которых анализировались древние изображения, были так или иначе связаны с вопросами этногенеза древних групп. В этом же русле выполнена работа К. Gerhardt по этрусской погребальной скульптуре [Gerhardt, 1954].

В нашем исследовании анализ древних изображений этрусков представлен скорее в биосоциальном контексте, поскольку основное внимание обращено именно на сравнительную характеристику иконографии физических особенностей контрастных социальных слоёв этрусского общества в скульптуре и в живописи. Изображённые физические особенности индивидов могут отражать индивидуальное физическое развитие и, гипотетически, свидетельствовать об уровне общего физического развития всей группы.

Из многочисленной литературы известно о значительном влиянии социальных (прежде всего экономических) факторов на физическое развитие населения в различные исторические периоды современного общества. Однако взаимосвязь хорошего физического развития с состоянием здоровья трактуется не всегда однозначно и положительно [Башкиров, 1962]. Ни один из основных антропологических признаков, количественно характеризующих физическое развитие (длина тела, вес,

обхват груди) не может быть применён на нашем материале. Однако мы сделали попытку отождествить индивидуальные описательные особенности телосложения со *status praesens* физического здоровья в контрастных выборках исследуемой группы.

Изученные изображения индивидов в живописи и скульптуре отличаются в целом анатомической правильностью пропорций тела, за исключением некоторых особенностей, о которых будет упомянуто далее. Нами отмечено, что художники нередко использовали светотеневую моделировку для придания фигурам натуралистичности и объёма, динамичность и эмоциональность персонажей фресок передаётся через своеобразие поз и жестов. Лица и тела на фресках не отличаются особой тщательностью прорисовки деталей, однако через движения тела хорошо передаются эмоции персонажа, что придаёт целостность и реалистичность восприятию всего образа. На одной сюжетной сцене могут встречаться индивиды, как с однообразным типом телосложения, так и с разными вариантами. Результаты определения соматоскопических признаков у мужчин представлены в таблице 2. В силу малочисленности женской выборки, при анализе материала данные по женским живописным изображениям не разделялись на социальные группы, результаты представлены в таблице 3.

О распределении пигментации и форме волосяного покрова говорилось ранее в первой части работы. Однако отдельно стоит упомянуть об особенностях изображения третичного волосяного покрова у мужчин. Иногда на фресках прорисовано пубальное оволосение, но изображения обволосенности груди полностью отсутствуют, что может объясняться либо изобразительным каноном, либо действительным положением дел – мужчины избавлялись от волос на груди, как это было принято, к примеру, у восточных народов [Вейс, 2002].

Описательная оценка жировотложения на изображениях говорит о том, что варианты с большим жировотложением и у мужчин, и у женщин чаще отмечаются по скульптуре, чем по живописи, особенно на мужских изображениях. В живописи мужчины изображаются с преимущественно малым и средним жировотложением, при этом представители элиты изображаются чаще со средним, а все остальные – с малым жировотложением. Этот факт мы объясняем зависимостью от возраста изображённых: половина представителей низших социальных слоёв (слуги, танцоры и прочие) изображены молодыми. Большое жировотложение, не характерное для живописных фигур, одинаково редко отмечалось как у элиты, так и в

Таблица. 2. Частота встречаемости (%) описательных признаков и вариантов телосложения у мужчин

Особенности телосложения	Мужчины (N = чел.)				
	Живопись			Скульптура	Вместе
	Аристократия	Остальные	Вместе		
По схеме В.В. Бунака	N=18	N=72	N=90	N=59	N=149
Грудной тип (включая грудно-мускульный)	44,4	31,9	34,5	18,7	28,2
Мускульный тип (включая мускульно-грудной и мускульно-брюшной)	16,7	52,8	45,5	35,6	41,6
Брюшной тип (включая брюшно-мускульный)	11,1	6,9	7,8	25,4	14,7
Неопределённый тип	27,8	8,4	12,2	20,3	15,5
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
По схеме В.Н. Шевкуненко и А.М. Геселевича	N=22	N=81	N=103	N=23	N=126
Долихоморфный тип	0,0	24,7	19,4	0,0	15,9
Мезоморфный тип	41,0	49,4	47,6	74,0	52,4
Брахиморфный тип	50,0	18,5	25,2	26,0	25,4
Тип не определён	9,0	7,4	7,8	0,0	6,3
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Общий тип сложения	N=46	N=87	N=133	N=53	N=186
Грацильный	13,0	16,1	15,0	5,7	12,4
Средний	34,8	50,6	45,1	64,1	50,5
Крупнотелый	21,7	28,7	26,3	15,1	23,1
Тип не определён	30,5	4,6	13,6	15,1	14,0
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Акцентирование абдоминальности	N=12	N=38	N=50	N=54	N=104
«Живот» есть	25,0	7,9	12,0	50,0	31,7
«Живота» нет	75,0	92,1	88,0	50,0	68,3
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Жироотложение	N=42	N=85	N=127	N=53	N=180
Малое	35,7	80,0	65,4	22,6	52,8
Среднее	59,5	14,1	29,1	41,5	32,8
Большое	4,8	5,9	5,5	35,9	14,4
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Мускулатура	N=39	N=84	N=123	N=53	N=180
Слабое развитие	10,3	13,1	12,2	13,2	12,5
Среднее развитие	61,5	53,6	56,1	43,4	52,3
Сильное развитие	28,2	33,3	31,7	43,4	35,2
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Гиперболизация нижних конечностей	N=33	N=86	N=119	N=15	N=104
Есть	18,2	10,5	12,6	33,3	14,9
Нет	81,8	89,5	87,4	66,7	85,1
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Возраст	N=55	N=87	N=142	N=66	N=208
Молодой	18,2	52,9	39,5	18,2	32,7
Средний	74,5	46,0	57,0	60,6	58,2
Пожилой	7,3	1,1	3,5	21,2	9,1
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. Частота встречаемости (%) описательных признаков и вариантов телосложения у женщин

Особенности телосложения	Женщины (N = чел.)		
	Живопись	Скульптура	Вместе
По схеме И.Б. Галанта	N=40	N=41	N=81
Лептосомные типы	7,5	24,4	16,1
Мезосомные типы	75,0	48,8	61,7
Мегалосомные типы	12,5	21,9	17,3
Тип не определён	5,0	4,9	4,9
Всего (%)	100,0	100,0	100,0
По схеме В.Н. Шевкуненко и А.М.Геселевича	N=34	N=11	N=45
Долихоморфный тип	8,8	27,3	13,3
Мезоморфный тип	76,5	36,4	66,7
Брахиморфный тип	5,9	27,3	11,1
Тип не определён	8,8	9,0	8,9
Всего (%)	100,0	100,0	100,0
Общий тип сложения	N=44	N=41	N=85
Грацильный	9,1	19,5	14,1
Средний	68,2	61,0	64,7
Крупнотелый	13,6	12,2	12,9
Тип не определён	9,1	7,3	8,3
Всего (%)	100,0	100,0	100,0
Жироотложение	N=20	N=19	N=39
Малое	35,0	10,5	23,1
Среднее	55,0	63,2	59,0
Большое	10,0	26,3	17,9
Всего (%)	100,0	100,0	100,0
Мускулатура	N=20	N=19	N=39
Слабое развитие	15,0	10,5	12,8
Среднее развитие	75,0	79,0	76,9
Сильное развитие	10,0	10,5	10,3
Всего (%)	100,0	100,0	100,0
Гиперболизация нижних конечностей	N=37	N=12	N=49
Есть	2,7	25,0	8,2
Нет	97,3	75,0	91,8
Всего (%)	100,0	100,0	100,0
Возраст	N=49	N=43	N=92
Молодой	10,2	16,3	13,0
Средний	83,7	67,4	76,1
Пожилый	6,1	9,3	7,6
Неопределённый	0,0	7,0	3,3
Всего (%)	100,0	100,0	100,0

остальной группе. В целом по живописи и скульптуре группа характеризуется малым и средним жиротложением.

На всех видах изображений мускулатура отличается средним и сильным развитием у мужчин и преимущественно средним развитием у женщин. Различий между социальными группами не выявлено, за исключением одного момента: у трети всех представителей низших слоёв в изображении мускулатуры отмечается некоторое антропологическое несоответствие величины плеч и торса

более объёмным нижним конечностям (у представителей грудно-мускульных типов сложения).

Распределение вариантов определений по схеме Шевкуненко-Геселевич говорит в целом о преобладании в группе мезоморфных вариантов у обоих полов. На мужской скульптуре долихоморфные варианты не встречены, также как и в живописи в группе аристократии, что, возможно, объясняется малой численностью выборки представителей элиты. В целом по живописи распределение долихоморфных и брахиморфных вари-

антов отличается у мужчин и женщин, у последних определяется крайне мало вариантов с выраженной брахиморфией.

Классификация мужских типов телосложения по схеме В.В. Бунака выявляет в целом преобладание на фресках грудно-мускульных и мускульных вариантов сложения, а в скульптуре – мускульных и брюшных вариантов. Распределение вариантов сложения в группах «аристократия» и «остальные» отличается различным процентным соотношением мускульных вариантов телосложения, что может быть объяснено как малочисленностью выборки группы элиты, так и большим числом неопределённых вариантов. Неопределённый тип на скульптуре представлен преимущественно индивидами со слабым развитием мускулатуры, но при этом с небольшим животом, как у грудно-брюшного типа по третьей схеме Бунака [Бунак, 1931]. Повторимся, что визуальная оценка степени развития мышечной массы и её «тонуса», подкреплялась иногда (когда позволяло изображение) описанием формы спины и живота, а также оценкой общей осанки. В тех случаях, когда эпигастральный угол и форма грудной клетки на изображениях не дифференцировались, мы ориентировались на ширину плеч, форму и массивность торса. На фресках у представителей группы «остальные» с грудно-мускульным типом сложения почти в половине случаев мускулатура нижних конечностей изображена более массивно в сравнении с торсом.

Брюшной тип сложения, который часто отмечался по скульптуре, на фресках в чистом виде нами не встречен, только в виде брюшно-мускульного варианта, которого было чуть больше у представителей элиты. Акцентирование абдоминальности, в половине случаев встречающееся на мужской скульптуре (табл. 2), на фресках отмечается только у представителей брюшно-мускульного типа (рис. 1г). На женских изображениях в нашей выборке эта особенность не наблюдалась. Об этой, якобы «характерной» черте этрусков, неоднократно упоминается у античных авторов в связи с «праздным» образом жизни ассимилированной Римом этрусской элиты. Древнеримские поэты Катулл и Вергилий (I в. до н.э.) награждают этрусков такими эпитетами, как «тучный этруск», «пухлый тиррен», «смуглый этруск с крепкими зубами» [цит. по: Эргон, 2009]. Все случаи акцентирования живота отмечены на саркофагах (рис. 1в), относящихся преимущественно к III–II вв. до н.э. (время активной романизации Этрурии). На другой скульптуре этой особенности не наблюдалось. На фресках иногда отмечается наличие живота, причём не только у представителей этрусской элиты. В одной из работ, посвящённой анализу тучности этрусков и сопутствующих этому заболеваний [Turfa, 2016], го-

ворится, что тучность не была повсеместным явлением, а относилась исключительно к иконографии этрусской элиты (в работе использовались данные эпиграфики, вотивы и саркофаги).

Вероятно, эта особенность может свидетельствовать о некоем каноне погребального изображения, в котором наличие внушительного живота с чем-то ассоциировано (например, с достатком). В своё время немецкие этрускологи рассматривали тучность этрусков как один из признаков их восточного происхождения [Fischer, 1938]. G. Sergi также высказывался по поводу «Obesus Etruscus» [Sergi, 1909]. Он считал, что тучные индивиды с большой головой и широким лицом, запечатлённые как на саркофагах, так и в живописи этрусских гробниц, не являются собственно этрусками, а представляют чужеземный элемент.

У женщин нет подчёркнутого «живота», однако нередко изображены полноватые руки и шея. Телосложение женщин по схеме Галанта соотносится, преимущественно, с мезосомными определениями. Однако отмечаются количественные различия в изображениях: мезосомные варианты конституций преобладают на фресках, а лептосомные и мегалосомные – чаще на скульптурах. Часто на росписях и парных супружеских саркофагах мужчины и женщины изображены одного роста и сложения, что усложняет оценку полового диморфизма общих габаритов тела в контексте андро-гинекоморфии. Крупные женщины или некрупные мужчины? Данные довольно противоречивы. В наиболее ранних работах по этрусским посткраниальным скелетам разными авторами приводится средняя длина тела, которая у мужчин составляла 164 см [Cipriani, 1929] и 166,7 см [Sergi, 1884, цит. по: Kron, 2013], и 168–171 см [Puccioni 1927]. Для женщин – 155 см [Cipriani, 1929]. В более поздних работах, как уже говорилось выше, приводятся средние цифры от 166 до 170,6 см. В любом случае, верхняя граница составляет 171 см, и по этой величине она определяет рост выше среднего, что не характерно для классического грацильного средиземноморского варианта. Для современных представителей индо-средиземноморской расы средняя длина тела определяется как средняя или ниже средней. Предпринятое доктором R. Livi [Livi, 1897] в конце XIX – начале XX в. крупномасштабное исследование (свыше 250 тыс. человек) физического развития военных рекрутов, набранных из различных социальных слоёв всех регионов Италии, показало, что средний рост мужчин варьировал от 162,1 см (Sardegna) до 166,6 см (Veneto). При этом средний рост тосканцев составлял 165,7 см, а средний рост в Лацио и Умбрии был одинаков – 164,4 см [Livi, 1897].

G. Sergi считал этрусков ответвлением пеласгов, осевших в Средней Италии на территории умбров. Он полагал, что истинно этрусский элемент должен быть грацильного телосложения, стройный, с удлинённым средиземноморским лицом, а его изображения можно увидеть на росписях в более древних по времени гробницах, например, в районе Кьюзи [Sergi, 1909]. В нашей выборке, в двух гробницах Кьюзи (гробница Обезьяны и гробница Касуччини) действительно есть грацильно сложенные индивиды, представители грудных и грудномускульных вариантов по схеме Бунака (рис. 1а). В литературе встречается упоминание по поводу довольно большой распространённости в этрусской бронзовой скульптуре узкосложённых фигур нечёткой половой принадлежности. Автор, определяя их как андрогинные, интерпретирует их как символ гендерного паритета в этрусском обществе, а также в качестве косвенного свидетельства одинакового участия мужчин и женщин в физической культуре [Sandhoff, 2011]. Просмотренные нами иллюстрации в упомянутой статье наводят на мысль, что в скульптуре изображены либо подростки астеноидного или торакального типов сложения, либо юноши грудного телосложения.

Первое впечатление об общем телосложении изображённых этрусков складывается, как о довольно крепкосложённых, даже коренастых индивидах, с подчёркнуто развитыми ягодичными мышцами, крепкими торсами и ногами, что дополнительно усиливается случаями изображений гиперболизированных, иногда даже гротескных нижних, реже верхних, конечностей (рис. 1б, д). Подобное визуальное ощущение не подтверждается распределением вариантов в группе: по скульптуре и по живописи грацильных и среднесложённых вариантов в мужской и женской выборке определяется больше всего (табл. 2). В живописи крупносложённые варианты встречались чаще, чем грацильные, и представлены они были равномерно в обеих социальных группах. Случаи подобной гиперболизации конечностей встречаются редко и отмечаются у индивидов разных типов телосложений. Фигуры выглядят в основном пропорционально сложенными, несмотря на кажущуюся «коренастость» и «крепкость». Это подмечали искусствоведы, говоря о том, что фигуры этрусских скульптур кажутся сжатыми [Лосева, Сидорова, 1988; Соколов, 2002]. В этой же связи стоит упомянуть об особенностях изображения дистальных отделов конечностей, как на фресках, так и на скульптуре: часто кисти рук выполнены небрежно, иногда без прорисовки пальцев, что также отмечали исследователи-искусствоведы [Соколов, 2002]. У жен-

щин часто кисти и стопы одинакового размера с мужскими. Мы бы сочли этот факт либо проявлением недостаточного мастерства художника, либо определённым каноном в изображении (считается, что степень мастерства художника-портретиста определяется качеством исполнения именно кистей рук). Однако в скульптуре подобные нюансы отмечаются не только на более дешёвых в производстве и доступных населению терракотовых саркофагах, но и на каменных. Это говорит не столько о небрежности и отсутствии изобразительного мастерства, сколько о смещении изобразительных акцентов [Соколов, 2002]. Мы считаем аргументом в пользу канона тот факт, что большинство изображений гиперболизированных конечностей на фресках (рис. 1б) относится по времени к более ранним периодам развития этрусского искусства (ориентальному и архаическому), испытывающего сильное восточное влияние. На египетских изображениях, ассирийских, на архаических греческих скульптурах встречается аналогичная трактовка конечностей, а также подобная «крепкость», «сжатость» и статичность в изображении человеческих фигур, что характерно для архаичной иконографии (рис. 1е). Этот момент отмечают искусствоведы, говоря о том, в этрусском искусстве отсутствуют монументальные статуи, аналогичные ассирийским или египетским, напротив, фигуры кажутся нарочито уменьшенными, а на фресках присутствует «крепконоготость», подобная греческим курсам [Соколов, 2002]. Однако мог ли этот архаический канон отражать что-то ещё и содержать что-либо кроме исторического контекста изобразительной формы?

В.В. Бунак не изучал этрусские изображения, но привлекал древние изобразительные источники для своих исследований в работе «Crania Armenica» [Бунак, 1927]. Он объединил антропологические выводы с данными истории и этнологии: помимо краниологических данных, в качестве сравнительного материала он применил анализ иконографического материала – древней скульптуры с территории Передней Азии [Бунак, 1927]. В.В. Бунак писал: «Конечно, древние шумерские скульптуры нельзя рассматривать как произведения портретного, и тем более натуралистического искусства, многое в них условно. Однако, сама условность эта очень характерна, и её отнюдь нельзя свести к архаизму» [Бунак, 1927, с. 203].

Эта недосказанность, возможно, была бы устранена при рассмотрении вопроса об отношении к физическому телу под другим углом зрения, а именно, как к социально-сконструированному объекту. Так, некоторые современные исследователи, в концепте представления о физическом

теле как своего рода «политическом ландшафте», прослеживают развитие его иконографии на примере искусства с территории Европы от палеолитических изображений до современности [Robb et al., 2013].

На мужских изображениях у представителей обеих социальных групп частота встречаемости подобной гиперболизации конечностей выше у мускульных вариантов. У представителей мускульных типов телосложения дистальные части конечностей действительно могут отличаться значительными размерами, что вполне соотносится с увиденным на фресках. При этом отсутствует связь в изображении с сюжетным «социальным» статусом (борец, атлет), но в скульптуре, напротив, преувеличенность встречается у всех фигур с «воинской» трактовкой (рис. 1 д, ж). Встретилось всего двое мужчин (жрец, музыкант) с изображениями одновременно увеличенных верхних и нижних конечностей. Подобная гиперболизация всё же не несёт, как нам видится, диспластического характера, но оставляет общее впечатление корпулентности фигуры изображённого индивида.

Таким образом, в целом на изображениях представлена группа с преобладающей мезоморфией для обоих полов, но на разных видах изображений, скульптуре или живописи, отмечается различное соотношение вариаций телосложения. Данные физической антропологии и биоархеологии свидетельствуют о хорошем уровне жизни, питания и здоровье всех социальных слоёв этрускового общества, что может отражаться на уровне их физического развития. Наши данные не говорят о дистантности характеристик физического развития двух контрастных социальных групп, представленных в скульптуре и на фресках, однако выявляются некоторые особенности. Эти особенности могут быть соотношены с репрезентативностью выборки представителей контрастных социальных слоёв – небольшая численность в группе аристократии у мужчин, тем более той части индивидов, фигуры которых представлены в полный рост. А также, напротив, небольшая численность в группе «остальные» у мужчин в скульптуре, а женщин – в живописи и скульптуре, не позволяет на данном этапе провести сравнительную оценку физического развития контрастных классов по скульптуре.

Заключение

Погребальная архитектура и живопись, почитание гробниц наравне с храмами, votивные и погребальные портреты, отражающие отношение эт-

русков к миру мёртвых и к миру живых в виде аутентичных образов, могут многое сказать о самовосприятии этрусков. Через изображения передаются не только социальная идентичность, но и физические различия, которые удалось запечатлеть этруским художникам, скульпторам и коропластам. Эта своеобразная натуралистичность передачи человеческих образов едва ли даёт усомниться в том, что на изображениях могут быть отображены реальные морфологические особенности группы. Исследованные нами изображения этрусков обнаруживают полиморфизм в отношении изображений многих признаков морфологии лица и тела и демонстрируют отсутствие идеалистического обобщения, свойственного грекам. Возможно, это свидетельствует о том, что художник не всегда использовал шаблон (или не был строго ограничен изобразительным канонами), а если и использовал, то в пределах окружающей его морфологической реальности, что позволяет нам в определённой мере соотносить изобразительные источники с данными биоархеологии.

Наблюдаемые варианты изобразительной передачи особенностей строения тела, несмотря на своеобразие этруской изобразительной стилистики, позволяют до некоторой степени оценить внутригрупповую изменчивость типов телосложения и говорить о хорошем физическом развитии исследованной группы, в которой не выявляются (по фрескам) явные соматические различия между представителями контрастных социальных слоёв.

Гиперболизация в изображении верхних и нижних конечностей, возможно, является действительным отображением физической культуры отдельных представителей группы, а, возможно, и отголосками архаичного канона в изображении тела человека. Что касается мифа об «*Obesus Etruscus*», то на нашем материале он подтверждается лишь частично: подчёркнутое наличие живота у мужчин наблюдается у 6 из 50 человек (12% случаев) на фресках и в почти в половине случаев – на скульптуре. Подобные изображения могут свидетельствовать в одинаковой мере, как о своеобразном изобразительном каноне элиты этруского общества римского времени, так и степени реалистичности памятников материальной культуры.

Таким образом, изученные нами изображения, по крайней мере, живописные, отражают *status praesens* физического здоровья данной группы этрусков, который не противоречит биоархеологическим свидетельствам и гипотезе G. Kron о возможном социальном равновесии в этруском обществе.

Благодарность

Благодарю д.б.н. Илью Васильевича Перевозчикова за идею презентации материала.

Библиография

- Башкиров П.Н.* Учение о физическом развитии человека. М.: МГУ, 1962.
- Бунак В.В.* Crania Armenica. Исследование по антропологии Передней Азии. // Русский антропологический журнал, 1927. Т. 16. № 1–2. Приложение: Труды Антропологического научно-исследовательского института при 1 МГУ. Вып. 3.
- Бунак В.В.* Методика антропометрических исследований. М.: Медиздат, 1931.
- Бунак В.В.* Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941.
- Вейс Г.* История культуры. М.: Эксмо, 2002.
- Галант И.Б.* Новая система конституциональных типов женщины // Казанский медицинский журнал, 1927. № 5. С. 547–555.
- Гинзбург В.В.* Элементы антропологии для медиков. Л., 1963. С. 88–89.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Кун К.С.* Расы Европы. М.: Астрель, 2011.
- Лосева Н.М., Сидорова Н.А.* Искусство Этрурии и Древней Италии. М.: Искусство, 1988.
- Негашева М.А.* Основы антропометрии. М.: Экон-Информ, 2017.
- Смирнова Н.С., Шагурина Т.П.* Методика антропометрических исследований // Методика морфофизиологических исследований в антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 4–43.
- Соколов Г.И.* Искусство этрусков. М.: Слово, 2002.
- Шпак Л.Ю.* К вопросу о физическом типе этрусков. Часть 1. Описательные признаки лица по материалам этрусской живописи // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология, 2017. № 3. С. 114–122.
- Эргон Ж.* Повседневная жизнь этрусков. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Agarwal S.C., Glencross B.A.* Building a Social Bioarchaeology // L. Meskell, R.A. Joyce (eds.). Social Bioarchaeology. Malden, MA: Wiley-Blackwell press, 2011. P. 1–11.
- Banti L.* Future research on the origin of the Etruscans // CIBA foundation symposium. Medical Biology and Etruscan Origins. London, 1959. P. 75–79.
- Barbujani G., Ghirotto S.* Origin of the Tuscans // Encyclopedia of Life Sciences (Els). John Wiley and Sons, Chichester, 2011. P. 1–6.
- Becker M.* Human Skeletons from Tarquinia: A Preliminary Analysis of the 1989 Cimitero Site Excavations with Implications for the Evolution of Etruscan Social Classes // Studi Etruschi, 1993. Vol. 58. P. 211–248.
- Becker M.* Etruscan Gold Dental Appliances: Three Newly Discovered Examples // Amer. J. Archaeol., 1999. Vol. 103. P. 103–111.
- Becker M., Turfa J.M.* Health and medicine in Etruria // Turfa J.M. (ed.). The Etruscan World. L., N.Y.: Routledge, 2013. P. 855–884.
- Belcasto G., Rastelli E., Mariotti V., Consiglio C.* Continuity or discontinuity of the life-style in central Italy during the Roman imperial age-early middle ages transition: Diet, health, and behavior. // Amer. J. Phys. Anthropol., 2007. Vol.132. N 3. P. 381–394.
- Cipriani L.* Statura e proporzioni degli arti in scheletri di tombe etrusche // Studi Etruschi, 1929. Vol. 3. P. 363–381.
- Coppa A., Cucina A., Mancinelli D., Vargiu R., Calcagno J.* Dental anthropology of Central-Southern, Iron Age Italy: The evidence of metric versus nonmetric traits // Amer. J. Phys. Anthropol., 1998. Vol. 107. N 4. P. 371–386.
- Comella A.* Tipologia e diffusione dei complessi votive in Italia in epoca medio e tardo repubblicana: Contributo alla storia dell'artigianato antico // Melanges de l'Ecole française de Rome, 1981. Vol. 93. P. 717–803.
- Eickstedt E.F.* Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit (Ethnology and the Race History of Mankind). Stuttgart: Ferdinand Enke, 1934.
- Gerhardt K.* Bemerkungen zur Anthropologie der Etrusker // Homo, 1954. Vol. 5. N 2–4. P. 180–185.
- Fischer E.* Rassenfrage de Etrusker. Sitzungsber. d. Preuss. Academ. Phys. Math. Kl., 1938.
- Francalacci P., Bertranpetit J., Calafell F., Underhill P.* Sequence diversity of the control region of mitochondrial DNA in Tuscany and its implications for the peopling of Europe // Amer. J. Phys. Anthropol., 1996. Vol. 100. N 4. P. 443–460.
- Frassetto F.* Crani rinvenuti in tombe etrusche // Atti della Societa Romana di Antropologia, 1906. Vol. 12. P. 155–182.
- Killgrove K.* Bioarchaeology in the Roman Empire // C. Smith (ed.) Encyclopedia of Global Archaeology. Springer, 2014. P. 876–882.
- Kron G.* Anthropometry, Physical Anthropology, and the Reconstruction of Ancient Health, Nutrition, and Living Standards // Historia, 2005. Vol. 54. P. 68–83.
- Kron G.* Fleshing out the demography of Etruria // J.M. Turfa (ed.). The Etruscan World. L., N.Y.: Routledge, 2013. P. 55–77.
- Livi R.* Dello sviluppo del corpo. In rapporto colla professione e colla condizione sociale. Contributo statistico. Roma: Enrico Voghera, 1897.
- Manzi G., Salvadei L., Vienna A., Passarello P.* Discontinuity of life conditions at the transition from the Roman imperial age to the early middle ages: Example from central Italy evaluated by pathological dento-alveolar lesions. // Amer. J. Hum. Biol., 1999. Vol. 11. N 3. P. 327–341.
- Manzon V., Gualdi-Russo E.* Health Patterns of the Etruscan Population (6th–3rd Centuries bc) in Northern Italy: The Case of Spina // Int. J. Osteoarchaeol., 2016. Vol. 26. N 3. P. 490–501.
- Masotti S., Onisto N., Marzi M., Gualdi-Russo E.* Dento-alveolar features and diet in an Etruscan population (6th–3rd c. B.C.) from northeast Italy. // Arch. Oral Biol., 2013. Vol. 58. N 4. P. 416–426.
- Messeri P.* La posizione degli Etruschi per fondamentali valori craniometrici // Archivio per L'Antropologia e la Etnologia, 1959. Vol. 89. P. 91–108.

- Moggi-Cecchi J., Pacciani E., Chiarelli B., D'Amore G., Brown K.* The Anthropological Study of Etruscan Populations // *Etruscan Studies*, 1997. Vol. 4. P. 73–86.
- Neppi Modona A.* The scientists' contributions to Etruscology. CIBA foundation symposium. Medical Biology and Etruscan Origins. L., 1959. P. 64–75.
- Oberhelman S.* Anatomical Votive Reliefs as Evidence for Specialization at Healing Sanctuaries in the Ancient Mediterranean World // *Athens Journal of Health (AJH)*, 2014. Vol. 1. N 1. P. 47–62.
- Pardini E., Bassi P.* Gli Etruschi (Stidio craniologico) // *Atti della Societa Toscana di Scienze Naturali*, 1974. Vol. 81. P. 161–196.
- Perkins P.* DNA and Etruscan Identity // Ph. Perkins and J. Swaddling (eds.). *Etruscan by Definition: Papers in Honour of Sybille Haynes*. L.: The British Museum Press, 2009. P. 95–111.
- Puccioni N.* Programma di un'inchiesta sul materiale osteologico per l'antropologia degli Etruschi // *Studi Etruschi*, 1927. Vol. 1. P. 385–390.
- Robb J., Bigazzi R., Lazzarini L., Scarsini C., Sonogo F.* Social "status" and biological "status": a comparison of grave goods and skeletal indicators from Pontecagnano // *Amer. J. Phys. Anthropol.*, 2001. Vol. 115. N 3. P. 213–222.
- Robb J., Harris J. T., McDonald M.* *The Body in History: Europe from the Paleolithic to the Future*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Rubini M., Bonafede E., Mogliazza S., Moreschini L.* Etruscan biology: the Tarquinian population, seventh to second century BC (Southern Etruria, Italy) // *Int. J. Osteoarchaeol.*, 1997. Vol. 7. N 3. P. 202–211.
- Rubini M., Mogliazza S., Corruccini R.S.* Biological divergence and equality during the first millennium BC in human populations of central Italy // *Amer. J. Hum. Biol.*, 2007. Vol. 19. N 1. P. 119–131.
- Sandhoff B.* Sexual Ambiguity? Androgynous Imagery in Etruria // *Etruscan Studies*, 2011. Vol. 14. P. 71–93.
- Sergi G.* Studi di crani antichi // *Atti della Societa Romana di Antropologia*, 1900–1901. Vol. 7. P. 162–174.
- Sergi G.* *Mediterranean race: study of the origin of European people*. L., W. Scott: N.Y., C. Scribner's Sons. 1909.
- Steingröber S.* *Abundance of Life. Etruscan wall painting*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2006.
- Stoddart S.K.F.* *The Etruscans. Historical Dictionaries of Ancient Civilizations*. Lanham, Maryland: The Scarecrow Press. Inc., 2009.
- Tassi F., Ghirotto S., Caramelli D., Barbujani G.* Genetic evidence does not support an etruscan origin in Anatolia // *Amer. J. Phys. Anthropol.*, 2013. Vol. 152. N 1. P. 11–18.
- Turfa J. M.* Votive offerings in Etruscan religion // N.T. de Grummond and Simon E. (ed.) *The Religion of the Etruscans*. Austin, Texas, 2006. P. 90–115.
- Turfa J.M.* The Obesus Etruscus. Can be True? // S. Bell and A.A. Carpino (eds.). *A Companion to the Etruscans*. John Wiley and Sons, 2016. P. 321–336.
- Turfa J.M., Becker M.* Health and medicine in Etruria // J.M. Turfa (ed.). *Etruscan world*. L.: Routledge, 2013. P. 855–881.
- Wood J.W., Milner G.R., Harpending H.C., Weiss K.M., Cohen M.N., Eisenberg L.E., Hutchinson D.L., Jankauskas R.G., Katzenberg M. A., Lukacs J.R., McGrath J.W., Roth Eric Abella, Ubelaker D.H., Wilkinson R.G.* The Osteological Paradox: Problems of Inferring Prehistoric Health from Skeletal Samples // *Curr. Anthropol.*, 1992. Vol. 33. P. 343–370.

Фоторесурсы:

- URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Etruscan_antiquities_collections_in_Italy (рис. 1 а, б, в, г, ж) (дата обращения 14.11.2017).
- URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Stele_of_Avile_Tite (рис. 1 д) (дата обращения 14.11.2017).
- URL: <http://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/javelin-thrower> (рис. 1 е) (дата обращения 14.11.2017).

Контактная информация:

Шпак Лариса Юрьевна: e-mail: larusparus@mail.ru.

ON THE PHYSICAL TYPE OF ETRUSCANS. PART 2. DESCRIPTIVE TRAITS OF APPEARANCE (BODY) ON THE MATERIALS OF ETRUSCAN FIGURATIVE SOURCES

L.Y. Shpak

Lomonosov Moscow State University, Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow

This paper presents the study of physical features and identification of the physical type of the Etruscans based on the image materials. Data interpretation has been made in the context of the bioarchaeological evidence that shows a high standard of living, good health, and possible social balance in the Etruscan society (the egalitarian hypothesis of G. Kron, 2013).

A total number of 142 male and 49 female funerary wall paintings (frescoes of 30 tombs) and 66 male and 43 female sculptural images (coroplastics, bronze) were examined. Dating range is 5th-1st century BC for burial sculptures and 6th-2nd century BC for paintings. Sex and social class of each individual have been identified based on the image. Paintings of males have been divided into 2 contrasting social groups (aristocracy and all others). The somatoscopic method was used with a separate description of different body parts (posture, back shape, the presence of excessive abdominal fat, and chest shape). Somatotype schemes of V.V. Bunak [Bunak, 1941] and I.B. Galant [Galant, 1927] were used.

The observed variability in body shapes and somatotypes suggests that the Etruscans lack the idealistic generalization of a human figure that is intrinsic to Greeks. More overweight individuals were found among sculptures than in paintings, although the number of overweight people is still very low and equal among social classes. In general, in paintings, men do not show big somatic differences between representatives of contrasting social strata. The ancient myth of «Obesus Etruscus» is only partly confirmed: on frescoes excessive abdominal fat is only present in 6 out of 50 people (12% of cases) and in half the cases on sculpture.

Variability of somatotypes and absence of significant differences between contrasting social classes may indicate an overall high level of physical development of studied group supporting the hypothesis of G. Kron.

Keywords: anthropology, Etruscans, Etruscan wall painting, physical type of Etruscans, «Obesus Etruscus»

Редколлегия приносит свои извинения за допущенную неточность в статье Л.К. Гудковой «Корреляционный анализ и его значение в экологической антропологии. Часть 1», опубликованной в номере 3/2017 (с. 27–35).

На странице 33 в последнем предложении третьего абзаца «Заключения» вместо искажающего смысл слова «поэтому» должно быть «потому что».

Уточняем исправленное предложение: «Недопустимо для увеличения численности смешивать различные выборки, потому что неоднородность анализируемого материала приводит к существенной вариабельности коэффициента корреляции».